

Из опыта работы над словарем современного церковнославянского языка¹

И. С. ДОБРОВОЛЬСКИЙ, Н. В. КАЛУЖНИНА,
А. Г. КРАВЕЦКИЙ, СВЯЩ. ФЕДОР ЛЮДОГОВСКИЙ,
А. А. ПЛЕТНЕВА, А. Н. ХИТРОВ

В статье обсуждаются некоторые теоретические и практические вопросы, возникшие при подготовке словаря современного церковнославянского языка, работа над которым ведется в Институте русского языка РАН им. В. В. Виноградова. Словарь описывает всю лексику, входящую в основной круг богослужебных книг, а в качестве дополнительных источников привлекается более широкий корпус церковнославянских текстов. Словарь ориентирован, в первую очередь, на богослужебные тексты. Это связано, во-первых, с тем, что богослужебные тексты используются исключительно в церковнославянском варианте и описание их лексики является наиболее востребованным. Во-вторых, словарь фиксирует устойчивую метафорику христианских текстов, а в наиболее полном виде она наиболее встречающаяся пежде всего в богослужебных текстах. Интересом к метафорике объясняется и включение в словарь имен собственных, что не принято в отечественной лексикографической традиции. Словарь составляется на основе оцифрованного корпуса. Источники словаря разделены на основной корпус, вся лексика которого входит в словник словаря, и дополнительный корпус, материал которого привлекается при составлении конкретных статей. Лексический материал извлекается при помощи специальных программных средств. В статье рассмотрен ряд технических вопросов, возникших при работе с оцифрованными источниками. Кроме того в статье обсуждаются проблемы лексической, морфологической и текстологической вариативности, с которыми составителям словаря пришлось столкнуться.

В настоящей статье рассмотрены некоторые теоретические и методологические проблемы, с которыми авторы столкнулись при составлении словаря того ва-

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ № 13-04-00223 «Лексика и фразеология церковнославянского языка периода книгопечатания (на материале основного корпуса богослужебных книг)». Также авторы выражают благодарность фондам, поддерживающим другие, связанные с данной, работы над описанием церковнославянского языка: РГНФ проект 12-04-12045 «Электронная справочно-информационная система «Грамматический частотный словарь церковнославянского языка»» и Программу фундаментальных исследований Президиума РАН «Корпусная лингвистика», проект «Развитие корпуса церковнославянских текстов».

И. С. Добровольский, и др. Из опыта работы над словарем современного церковнославянского языка рианта церковнославянского языка, который в настоящее время используется в богослужебной практике Русской Православной Церкви².

Этот словарь составляется коллективом, включающим авторов данной статьи, в ИРЯ РАН с 2009 г., и в первую очередь должен содержать информацию о многозначности леммы и ее переводе на русский язык, а также примеры ее употребления во всех выделенных значениях.

Формулировка «современный церковнославянский язык» определяется ориентацией на тексты, используемые в современной богослужебной практике; таким образом, словарь является скорее синхронным, чем историческим. Мы рассматриваем современный срез языка, не касаясь сравнительно-исторической проблематики.

Куда более существенна для нас характеристика того книжного корпуса, который описывается словарем. Вычленяя тексты, являющиеся источником словаря, мы исходим из того, что церковнославянский язык эпохи книгопечатания изменяется в результате сознательной деятельности кодификаторов и справщиков, поэтому историю литургического языка можно рассматривать как историю институтов, контролирующих издание богослужебных книг. Это хорошо вписывается в предложенную Н. И. Толстым идею описания литературного языка как последовательной смены эпох централизации (жесткое нормирование) и децентрализации (потеря строгости нормы и проникновение локальных явлений)³. Языковая унификация богослужебных книг последовательно осуществлялась справщиками синодальных типографий, поэтому при определении круга источников словаря место издания оказывается важнейшей характеристикой.

Описываемую норму было бы логично называть *синодальной*⁴. Однако источники нашего словаря хоть и ориентируются на синодальные издания (а в ряде случаев репринтно их воспроизводят), все-таки не могут быть названы синодальными. Наиболее корректно было бы применить здесь термин Ф. Мареша «новоцерковнославянский язык» и говорить о русском изводе новоцерковнославянского языка. Однако в контексте полемики о языке богослужения этот термин приобрел нежелательные коннотации и в рамках словарного проекта мы предпочитаем его не использовать.

Таким образом, в настоящей статье употребляется термин «церковнославянский язык», под которым мы будем понимать тот вариант языка, который до 1917 г. использовался в изданиях церковной печати, выпускаемых синодаль-

² Во избежание путаницы отметим, что помимо данного словаря, в первую очередь толкового, создаваемого в ИРЯ РАН, в настоящее время другим коллективом и другими методами в ПСТГУ по модели Грамматического словаря русского языка А. А. Зализняка создается Грамматический словарь церковнославянского языка, основные составители которого — А. Е. Поляков и Е. Р. Добрушина, а также А. Г. Кравецкий, Т. Ю. Алленова, К. В. Литвинцева. Проект ПСТГУ поддержан РГНФ 12-04-12045 «Электронная справочно-информационная система «Грамматический частотный словарь церковнославянского языка».

³ Толстой Н. И. История и структура славянских литературных языков. М., 1988. С. 53.

⁴ Термин «синодальный церковнославянский язык» имеет традиции употребления. См., например, Mathiesen R. The Inflectional Morphology of the Synodal Church Slavonic Verb. N. Y., 1972.

ными типографиями⁵, а во второй половине XX—XXI в. — в книгах, издаваемых издательствами Русской Православной Церкви⁶.

Источники словаря

Словарь ориентируется в первую очередь на те тексты, которые актуальны для современной культуры именно в церковнославянском облике. А поскольку до настоящего времени церковнославянский сохранил лишь свою литургическую функцию, наиболее значимыми для нас являются именно тексты богослужебных книг, то есть те тексты, которые звучат за общественным или частным богослужением. Приведем краткую характеристику тех текстов, которые (в разной степени) использованы при составлении словаря.

Книги, используемые при совершении общественного богослужения

Именно эти книги являются ядром корпуса, на которое, в соответствии с нашими задачами, следует опираться при составлении словаря. При этом необходимо учитывать, что в языковом отношении церковнославянские книги не являются гомогенными. Как известно, свой современный облик наши богослужебные книги приобрели в XVII в. в результате исправления, начавшегося при патриархах Иосифе и Никоне и завершившегося при патриархе Иоакиме. Принципы, из которых исходили справщики при работе над разными книгами, не всегда совпадали, поэтому полного языкового единства в богослужебных книгах нет.

Заметный языковой разнобой может наблюдаться и внутри одной книги. В наибольшей степени это относится к современным Служебным Минеям. Дело в том, что службы, входящие в Минеи, относятся к разному времени и язык новых служб (XVIII—XX вв.) куда ближе к русскому литературному языку, чем язык служб, переведенных с греческого. В течение XIX в. Синод утвердил не менее 70 новых служб, которые сначала печатались в виде отдельных брошюр⁷. В начале XX в. была выпущена Дополнительная миная, в которую вошла некоторая часть этих служб, а в 80-е годы XX в. Московская Патриархия издала новые по составу Минеи, куда вошло большое количество служб, созданных в XVIII, XIX и XX вв. В постсоветское время процесс дополнения Служебных Миней новыми

---

⁵ Учреждение Синода можно считать началом нового периода истории церковнославянского языка. Согласно Духовному регламенту, Синод должен был осуществлять контроль за вновь создаваемыми богослужебными последованиями. На протяжении всего XVIII в. Синод последовательно боролся за централизацию изданий богослужебных книг, следствием чего явилась определенная языковая унификация (См. Кравецкий А. Г., Плетнева А. А. История церковнославянского языка в России. Конец XIX—XX в. М., 2001. С. 19–22). Начиная с последней четверти XIX в. в Московской и Санкт-Петербургской синодальных типографиях появляются проекты, целью которых была очередная унификация церковнославянского языка. Частично эти проекты были реализованы.

⁶ То есть мы не включаем в круг своих источников книги, издаваемые другими славянскими православными церквями, старопечатные книги, старообрядческие и униатские издания.

⁷ См.: Чуриловский Н. Ф. Новая богослужебная книга: Минія дополнітельна // Прибавления к Церковным ведомостям 1909. № 51—52. С. 2442

И. С. Добровольский, и др. Из опыта работы над словарем современного церковнославянского языка текстами продолжался⁸: в богослужебную практику входят службы недавно канонизированным новомученикам и исповедникам XX в.

В результате Служебные Минеи превратились в собрание текстов, довольно разнородных в языковом отношении. Здесь соседствуют тексты, переведенные с греческого в X–XII вв., службы, созданные в средневековой Руси и других славянских странах, а также тексты, написанные в XX–XXI вв. Сюда входят и экзотические тексты, вроде паремейного чтения, заимствованного не из Священного Писания, а из русских летописей⁹, и богослужебного канона, написанного силлабо-тоническими стихами¹⁰. Кроме Миней в число основных богослужебных книг входят Часослов, Служебник, Требник, Триодь, Октоих, Ирмологий¹¹. Состав этих книг стабилен, однако лексические замены и другая мелкая редактура имели место и для них.

Священное Писание

Говоря о славянском тексте Священного Писания, мы должны иметь в виду, что он существует в двух вариантах: служебном (более архаичном в языковом отношении) и собственно четьюм. Богослужебная и четья редакции Писания отличались друг от друга еще в византийской традиции. Эти различия унаследовала и церковнославянская книжность¹².

Служебный текст регулярно читается за богослужением, в то время как использование четьюго текста церковнославянской Библии достаточно ограничено. Это связано с тем, что большинство верующих читает Библию (за исключе-

⁸ О первом дополненном издании месячных миней см.: Кравецкий А. Г., Плетнева А. А. Указ. соч. С. 269–274. О последующих изданиях см.: Людоговский Ф. Б. Современный церковнославянский минейный корпус: состав и структура // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. <2002–2003>. М., 2003. С. 500–530.

⁹ Речь идет о «летописном» паремейном чтении Борису и Глебу. См.: Успенский Б. А. Борис и Глеб: восприятие истории в Древней Руси. М., 2000. С. 8–29; Кравецкий А. Г. Из истории Паремейного чтения Борису и Глебу // Традиции древнейшей славянской письменности и языковая культура восточных славян. М., 1991. С. 42–52.

¹⁰ Кравецкий А. Г., Плетнева А. А. Указ. соч. С. 272–273.

¹¹ О служебных Евангелии и Апостоле речь пойдет в разделе, посвященном Священному Писанию.

¹² В XVIII в. в триодных паремьях богослужебная редакция была заменена четым текстом, в то время как в минейных паремьях оставалась прежняя редакция. Таким образом, в современной богослужебной практике сосуществуют обе редакции Священного Писания, имеющие заметное количество лексических разнотечений. О различиях между богослужебной и четьюм версиями Священного Писания см.: Людоговский Ф. Б. Функционирование и эволюция служебного и четьюго вариантов церковнославянского Евангелия в эпоху книгопечатания: постановка проблемы // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2004–2005. М., 2006; Людоговский Ф. Б. Ветхозаветные паремии в составе современного церковнославянского минейного корпуса // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2006–2009. М., 2010. С. 523–545; Пантелеимон (Королев), монах. Эволюция и функционирование служебной и четьюм редакции церковнославянского Апостола в эпоху книгопечатания (на материале 91 и 153 зачал). Диссертация на соискание ученой степени кандидата богословия. Сергиев Посад, 2011; Королев П. С. История редакторских изменений церковнославянского текста Деяний и Посланий апостольских в московских печатных книгах XVI–XXI веков // Лингвистическое источниковедение и история русского языка М., <2011>. М., 2012.

нием, разве что, Псалтири) на русском языке. Во время богослужения Ветхий Завет звучит лишь в объеме паримий и Псалтири, а Новый (за исключением Апокалипсиса) практически целиком. Таким образом, при составлении словаря мы в первую очередь учитываем те тексты, которые звучат за богослужением¹³. При этом вплоть до самого последнего времени именно четий библейский текст оставался для исследователей основным источником сведений о церковнославянском языке. Причина кроется в том, что с библейским текстом удобно работать, поскольку здесь имеются качественные словари, доступны иноязычные оригиналы и выработана общепринятая система отсылок при цитации.

Устав и уставные замечания

Данная рубрика объединяет церковнославянские тексты, в которых описывается порядок совершения богослужения. Это, прежде всего, Церковный устав (Типикон), а также уставные замечания и статьи, входящие непосредственно в богослужебные книги (Марковы главы — в Минеях и Триодиях, Известие учительное — в Служебнике и т. д.). Тексты эти занимают достаточно изолированное положение. Типикон не является самодостаточным текстом. Это описание порядка совершения богослужения. Те уставные замечания, которые инкорпорированы в текст служб, как правило, выделяются красным цветом. Таким образом оказывается, что эти тексты не предназначены для чтения вслух. Заметная часть лексики Типикона и уставных замечаний в других текстах не встречается или встречается крайне редко (*трапарь*, *кондакъ*, *лжица* и т. д.).

В начале XX в. звучали предложения перевести Типикон на русский язык, но особенно широко это предложение не обсуждалось. В настоящее время параллельно с Типиконом существует значительное число русскоязычных пособий, описывающих богослужебную практику. Церковнославянский текст Типикона описывает идеальный порядок совершения богослужения, в то время как реальная практика гораздо ближе к той традиции, которую фиксируют эти пособия.

Акафисты

Среди церковнославянских текстов акафисты занимают особое положение. Как известно, по степени русификации и размытости языковой нормы акафисты превосходят все другие жанры церковнославянской книжности. При этом акафисты пользуются огромной популярностью и в некотором роде формируют массовое представление о церковнославянском языке. В настоящее время общее число церковнославянских акафистов превысило 1000.

Составитель акафистов может обойтись без серьезной богословской и филологической подготовки, при этом простота большинства акафистов делает их понятными для самого широкого круга верующих. Неудивительно, что в XIX–XX вв. акафисты превратились в излюбленную форму религиозного твор-

¹³ Решение не включать в число источников полный текст Ветхого Завета связано и с тем, что вопреки отечественной лексикографической традиции мы включаем в словарь топонимы и антропонимы (об этом см. ниже). В Писании содержится огромное количество имен собственных, и их описание привело бы к появлению значительного числа статей скорее энциклопедического, чем лингвистического характера. Между тем эта информация содержится во вполне доступных библейских справочниках и энциклопедиях.

И. С. Добровольский, и др. Из опыта работы над словарем современного церковнославянского языка

чества. До революции распространение акафистов сдерживала духовная цензура, имевшая возможность не допускать к печати низкокачественные тексты. После революции, когда духовная цензура была ликвидирована, популярность акафистов, скорее, возросла, чем уменьшилась. Это можно объяснить тем, что акафист — тот вид совместной молитвы, который возможен при закрытых храмах, к тому же текст акафиста невелик по объему и легко копируется от руки. В результате в XX в. получило широкое распространение множество текстов, которые не подвергались никакому редактированию и язык которых далеко не всегда можно охарактеризовать как правильный церковнославянский. Акафист оказывается тем жанром, в котором происходит размытие границ церковнославянского языка¹⁴. Являясь формой массовой церковной культуры, акафисты естественным образом вызывают отторжение у любителей строгого уставного богослужения. Однако акафисты дают исследователям весьма ценный материал, поскольку они отчетливо демонстрируют представления широкой массы верующих о церковнославянском языке¹⁵.

Памятники канонического права

В этой рубрике следует назвать два текста: так называемую Никоновскую редакцию Кормчей книги (первое издание вышло в 1653 г., последнее — в 1834) и Книгу правил¹⁶, которая с 1839 года заменяет Кормчую. Язык Кормчей достаточно архаичен, в то время как Книга правил сильно русифицирована. Язык церковного права имеет много особенностей, поэтому, несмотря на то что в современной церковной жизни эти книги используются очень мало, они все же должны быть включены в церковнославянский корпус.

Святоотеческая литература и агиография

Благодаря деятельности русских переводчиков второй половины XIX в., основной массив святоотеческих текстов существует на русском языке. При этом тексты, изначально написанные по-гречески, в основном читаются по-русски (даже при наличии церковнославянских переводов), а тексты русских подвижников, как правило, на русский язык не переводятся. По-славянски читаются Иосиф Волоцкий, Нил Сорский, Паисий Величковский, Димитрий Ростовский

¹⁴ Сегодня появляются и явно нецерковные акафисты — такие, как Акафист Игорю Талькову или неизданный, но представленный в Интернете Акафист младенцам Беслана. См.: Плякин М., диак. Квазилитургические тексты как форма существования окольцерковного фольклора. (Доклад на первой конференции «Современная православная гимнография». 24.11.2009) // http://www.ruslang.ru/agens.php?id=conf_church-slav090211.

¹⁵ Попов А. Православные русские акафисты. М., 2013; Людоговский Ф., свящ., Плякин М., диак. Хвалебные гимны подвижникам // Журнал Московской Патриархии. 2010. № 6. С. 70–76; Людоговский Ф., свящ. Церковнославянский акафист: структуры и константы // Славянские языки: единицы, категории, ценностные константы: сб. науч. статей. Волгоград, 2010. С. 47–68; Людоговский Ф., свящ., Плякин М., свящ. Жанр акафиста в XXI веке // Попов А. В. Православные русские акафисты. М., 2013; Людоговский Ф. Б., Плякин М. Е. Акафисты ангелам: пробный фрагмент каталога церковнославянских акафистов // Лингвистическое источниковедение и история русского языка <2012–2013>. М., (в печати)

¹⁶ Об этой книге см.: Белякова Е. В. Церковный суд и проблемы церковной жизни. М., 2004. С. 25–27.

и др. Язык каждого из этих авторов имеет особенности, выходящие за пределы церковнославянской нормы. Поэтому некоторые из этих текстов были в XVIII–XIX вв. подвергнуты языковой унификации (например, Четии Минеи Димитрия Ростовского¹⁷).

Таким образом, говоря о бытании святоотеческих и агиографических текстов, мы обнаруживаем сосуществование трех языковых вариантов. На современном русском литературном языке, нередко тяготеющем к нормам XIX в., читаются произведения, изначально написанные по-русски, а также переводы с греческого, латыни и других древних языков. На стандартном церковнославянском — непереводные тексты, прошедшие через руки типографских справщиков. И на различных вариантах гибридного церковнославянского читаются непереводные тексты, не подвергшиеся редактированию.

Отбор материала

Описывая лексику церковнославянского языка, имеет смысл опираться на те тексты, которые представляют собой ядро корпуса. Вне всякого сомнения, сюда должны войти все богослужебные книги. При этом вопрос об объеме минейного материала может решаться по-разному. С одной стороны, разумно было бы ограничиться теми текстами, которые входили в предреволюционную редакцию Минеи. Эти тексты были подвергнуты значительной языковой унификации и являются относительно гомогенными. Что же касается текстов, вошедших в Минею лишь в XX или XXI в., то в них встречается значительное число русизмов и диалектизмов. Вопрос о том, стоит ли расширять объем словаря за счет включения в него явно периферийного материала, едва ли имеет однозначный ответ. Несомненно лишь то, что полный отказ от использования поздних служб едва ли возможен.

При составлении словаря мы выбрали компромиссный вариант: для формирования словарника мы ограничивались теми текстами, которые вошли в основной корпус источников (т. е. текстами, в той или иной форме используемыми при совершении богослужения), в то время как при работе над словарными статьями мы обращаемся к более широкому кругу источников.

Для того чтобы продемонстрировать уместность обращения к поздним текстам при описании значений слов, которые встречаются в стандартных богослужебных книгах и в Библии, приведем один пример. Выражение «*Ѳѣѡциоѳ
хранїлице*» встречается в Ветхом Завете. Оно используется для перевода греческого τὸ ὅπωροφυλάκιον — ‘сторожка, шалаш, в котором живет сторож огорода’. Встречается оно в риторических конструкциях, чтобы показать, в какое ничтожество превратятся большие цветущие города и земли: «Б҃же, прїндóша гázыцы въ доցтоѧнїе твоё, ѿквернýша храмъ іг҃ый твоїй, положиша ієрлімъ іакѡ ѩѣѡциоѳ
хранїлице (εἰς ὅπωροφυλάκιον): положиша т҃рѹпїл ҏаेक т҃коиҳъ врাণно птнцамъ небеснымъ, плѡтн прїбныхъ т҃коиҳъ зеф҃рэмъ земнýмъ¹⁸; И положиши гамарію ко

¹⁷ Минеи Димитрия Ростовского читаются и в русском переводе.

¹⁸ Пс 78. 1–2. В Синодальном переводе: «Иерусалим превратили в развалины».

И. С. Добровольский, и др. Из опыта работы над словарем современного церковнославянского языка

Свѣтліе хранілище (εἰς ὅπωροφυλάκιον) се́ло¹⁹; Се́гѡ рáди вáсѧ дѣла тóвнѧ тóкоже нíва н̄зарéтса, и ѹрлímz тákѡ Свѣтліе хранілище бъде́тъ (ός ὅπωροφυλάκιον Ѽтат)»²⁰. Во всех этих примерах содержится описание катастрофы, крушения цветущего города и превращение его в убогий шалаш на краю поля. А в службе Собору новомучеников и исповедников Российских, составленной в начале XXI в., выражение Свѣтліе хранілище употребляется в значении ‘овощехранилище’: «Безбóжнїй кáїновы кн҃зы сїбїни црквныя порханїю и ѡгню предáша, Свѣтліи разориша, храмы тákѡ Свѣтліла хранілища содѣлаша, хртголюбнвыя людни въ телнїцы заключиша и оумѣчиша»²¹. Для современных гимнографов это слово оказалось актуальным, поскольку, как известно, закрытые храмы часто переоборудовались в хранилища для овощей или зерна. Таким образом, старое словосочетание приобрело совершенно новый смысл. Мы стараемся учитывать подобные новые значения.

Программные средства и база словаря

Описание лексики и составление словаря церковнославянского языка стало возможно благодаря деятельности участников Интернет-сообщества славянской типографики (<http://www.cslav.org/>). Участниками этого сообщества был разработан формат представления церковнославянских текстов (стандарт инвариантного представления церковнославянских текстов НИР и кодировка UCS8) и инструментарий для работы с этими текстами (пакет Ирмологион). Силами сообщества была оцифрована значительная часть корпуса церковнославянских книг²². С практической точки зрения перед составителем переводного словаря стоят две основные задачи: 1) определение значений слова и 2) оформление этих значений вместе с примерами словоупотребления и различными сведениями о слове (грамматическими, этимологическими и некоторыми другими) в виде словарной статьи.

Для облегчения решения первой задачи авторами словаря используется конкордансер AntConc²³, позволяющий наглядно представлять контексты, в которых то или иное слово встречается в корпусе. Так, результат поиска контекстов (не в полном объеме) для слова *внáти* выглядит следующим образом²⁴:

...И рече` ємъ` гдСъ:	вна'ль	ли еси` мы'слю твоє'ю...
...пре'жде зако'на	вна'ть	ємъ`, ниже` леві'ть...
...потерп'хъ гдСа, и	вна'ть	ми` и ѹслы'ша моли'твъ...

¹⁹ Мих 1. 6. В Синодальном переводе: «Сделали Самарию грудой развалин».

²⁰ Мих 3. 12. В Синодальном переводе: «Сделается грудой развалин».

²¹ Минея общая новомученикам и исповедникам Российским. М., Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2011. С. 18

²² Постоянно пополняемая библиотека церковнославянских текстов в формате НИР расположена по электронному адресу <http://www.orthlib.ru/worship/>

²³ Создателем AntConc является Лоренс Антони из Университета Васэда (http://www.antlab.sci.waseda.ac.jp/antconc_index.html).

²⁴ За недостатком места в приведенном примере контексты обрезаны; в программе AntConc автор имеет возможность обратиться к широким контекстам.

...мои'мъ къ бг~ð, и	вна'ть	ми` . Въ де'нь ско'рби...
...тъ'мже и хрСто'сь	вна'ть	моли'твѣ тво'й, мъ'дре...
...ста'немъ со стра'хомъ,	во'нмемъ	ст~о'е возноше'ніе...
...Нб~о и землѧ да	во'нметъ,	и хрСтъ` да воспою'тъ...
...не ѿст8пи` ѿ мене`.	Вонми`	въ по'мощь мою` , гдСи...
...раз8мъ'й зва'ніе мое` .	Вонми`	гла'с8 моле'нія моегш`...
...гдСи, моли'тв8 мою` и	вонми`	гла'с8 моле'нія моегш`...
...къ тебѣ` , услы'ши ма` :	вонми`	гла'с8 моле'нія моегш`...
...ско'рѡ услы'ши ма` ,	вонми`	д8ши` мое'й, и изба'ви...
...и'кѡ милосе'рда,	вонми`	моли'твамъ на'шымъ...
...вздыха'ніе и сле'зы, и	вонми'те	смире'нномъ моле'нію...

Как видно, во-первых, искомые (или «ключевые») словоформы выровнены по центру, т. е. контексты выдаются в формате KWIC (key word in context), общепризнанном в мировой лексикографической практике. Во-вторых, контексты автоматически отсортированы по искомым словоформам и — в рамках контекстов для каждой искомой словоформы — по словоформам, стоящим справа от искомых. Это позволяет сгруппировать повторяющиеся контексты.

Поиск контекстов в AntConc осуществляется с помощью поисковых запросов, которые включают в себя все словоформы того или иного слова. Поисковые запросы создаются автоматически в соответствии со словарником. Таким образом, автору не нужно искать каждую словоформу в отдельности, что имеет особое значение для слов, формы которых образуются от разных основ (как в случае с глаголом *кнáти*).

Для удобства работы в программе AntConc (а также для хранения словарных статей в базе данных) корпус церковнославянских текстов был специальным образом подготовлен. Дело в том, что оцифрованные тексты, которые служат для нас исходным материалом, представлены в формате НІР, предназначенном, как сообщают его разработчики, «для записи в “читаемой” форме церковнославянских текстов с сохранением всех деталей правописания (буквы, надстрочки).» Например, фраза «Терпѧ потерпѣхъ гдѧ, и кнáти ми» (с киноварной буквой Т) в формате НІР имеет вид: %<T%>ерпѧ` потерпѣхъ гд\са, и= вня'тъ ми`. Для лингвистической работы с текстами нет необходимости сохранять все особенности оформления, в частности киноварь и знак придыхания (обозначаемые в НІР с помощью символов % и =); а принятая в НІР передача некоторых букв несколькими символами (е широкое — <е>, пси — <пс>, от — w\t, ять — ѹ и др.) значительно усложняет восприятие текстов и формирование поисковых запросов для AntConc. Эти и другие обстоятельства потребовали перевести церковнославянские тексты из формата НІР в формат, основанный на международном стандарте Unicode.

Кроме того, для корректного представления контекстов в формате KWIC был создан специальный шрифт, содержащий символы гражданской графики с добавлением недостающих букв (Ѣ, Ѡ, ѿ, Ѽ и др.). Символы шрифта намеренно сделаны одинаковой ширины, поэтому у части букв несколько непривычные начертания. Для воспроизведения диакритики используется упрощенная запись:

И. С. Добровольский, и др. Из опыта работы над словарем современного церковнославянского языка

так, тильдой (~) передается титло, знак придыхания опускается, выносные буквы передаются в виде прописных (например, влдко, євГліе, трОца для влко, єўліе, т҃ця), при этом знак буквенного титла также опускается, и т. п.

Решение второй задачи (собственно составление словарной статьи) оптимизировано с помощью созданной специально для проекта электронной лексикографической системы²⁵. Она состоит из базы данных, предназначеннной для хранения словарных статей, и пользовательского интерфейса, позволяющего вводить данные в базу, редактировать их, просматривать статьи в разных функциональных представлениях, осуществлять по ним фильтрацию и поиск.

Важнейшим результатом использования лексикографической системы является унификация структуры и оформления словарных статей. А поскольку система размещена в Интернете (в закрытом доступе), то, во-первых, статьи накапливаются в едином пространстве, во-вторых, появляется возможность совместной работы над одной и той же статьей.

В системе предусмотрены поля для ввода практически всех типов данных, необходимых для создания статьи: грамматических и этимологических сведений о слове, значений слова и/или его толкований, примеров словоупотребления, греческих параллелей, примечаний к различным частям статьи и др. Для каждой лексемы указывается гражданское написание, что позволяет легко найти нужную статью, несмотря на возможное многообразие орфографических обликов заголовочного слова. Например, по запросу «Авксентий» будет найдена статья аνξéнтїй, «Богоматерий» — єгѡмїрний, «апостол» — апôтолъ (аптолж, апъз).

Часть статей лексикографическая система генерирует автоматически. Речь идет о статьях, отсылающих к основному орфографическому или грамматическому варианту, к начальной форме слова и нек. др. Примеры отысканных статей: ароматъ см. ароматъ, благтный см. благодтный, валжемъ страд. прич. наст. вр. от валжти (см.), галлбнинъ см. галлбнне. Статьи в системе можно отсортировать по алфавиту, дате изменения статьи, фамилии автора и т.п. Возможна также фильтрация статей по заданным критериям — например, система может выбрать из базы данных только канонические имена собственные женского рода (йлла, йнлагіа и т. п.), статьи для которых созданы определенным автором.

В зависимости от выполняемой задачи одна и та же статья в системе может иметь разные функциональные представления: версия с рабочими примечаниями автора к статье vs. версия, предназначенная для конечного пользователя словаря; версия для Интернета vs. версия для печати и нек. др. Помимо этого, статьи могут быть экспортованы в формат PDF или формат, предназначенный для компьютерной издательской системы.

Для полноценной передачи церковнославянской графики в системе используется шрифтовой формат UCS8, так что все помещаемые в базу данных тексты автоматически перед отображением переводятся из формата, основанного на Unicode, в формат UCS8. Необходимость в этом обусловлена тем, что Unicode является в большей степени форматом хранения символьной информации, нежели форматом отображения. Задачу правильного графического представления кодируемого текста он оставляет программному обеспечению — такому, как тек-

²⁵ Основным разработчиком системы является А. Н. Хитров.

стовый редактор, веб-браузер или настольная издательская система. Так, положение одного и того же диакритического знака может различаться по высоте в зависимости от того, ставится ли он над строчной или прописной буквой. Более того, особые требования к расположению соседних символов могут предъявлять даже не целые классы символов (строчные, прописные и т. п.), а их отдельные единичные представители, например лигатура *Ѣ*. Такого рода случаи выходят за рамки компетенции Unicode, их должно обрабатывать само программное обеспечение с использованием расширенных шрифтовых технологий, таких как OpenType, AAT или SIL Graphite. К сожалению, широкая поддержка этих технологий пока оставляет желать лучшего и, хотя ситуация постепенно меняется, необходимо признать, что использование UCS8 вместе с Unicode до сих пор остается наиболее универсальным и надежным решением проблемы адекватного графического представления церковнославянского текста в разных программах.

Электронная лексикографическая система мыслится как непрерывно развивающийся продукт. В перспективе планируется отказ от конкордансера AntConc и интеграция системы с церковнославянским подкорпусом Национального корпуса русского языка²⁶, который будет использоваться как подсистема поиска и выдачи необходимых для определения значения лексемы контекстов ее употребления.

Словообразовательная вариативность церковнославянского языка

Церковнославянскому языку свойственна широкая вариативность. Она представлена на орфографическом, морфологическом, а также (при надлежащем определении терминов) лексическом и синтаксическом уровнях. При просмотре значительного объема материала выясняется, что число сосуществующих вариантов часто достигает трех–четырех. Более того: вариативность распространяется не только на элементы церковнославянской языковой системы, но и на церковнославянские (микро)тексты. Один и тот же тропарь, стихира, молитва могут входить в состав разных последований и, оставаясь «одним и тем же» текстом, содержать разного рода отличия (примеры: «Боже духов и всякия плоти...» в Требнике и в Служебнике; «Благообразный Иосиф...» в Триоди Постной, в Триоди Цветной и в Служебнике и др.).

Говоря о вариативности, свойственной церковнославянскому языку²⁷, имеет смысл особое внимание обратить на словообразование. Собственно, некоторые словообразовательные варианты хорошо известны: *царство/царствие, вдовца/вдовица, милосердый/милосердный*. Однако получение полной картины до недавнего времени было довольно затруднительным. Инструментарий, созданный

²⁶ Корпус церковнославянского языка в рамках НКРЯ открыт в свободном доступе с мая 2012 года (<http://ruscorpora.ru/search-orthlib.html>) и продолжает совершенствоваться. Подробнее см.: Добрушина Е. Р., Поляков А. Е. Корпус церковнославянского языка: возможности, методы создания, перспективы // Вестник ПСТГУ. Филология. III: 1 (31) М., 2003. С. 32–44.

²⁷ Проблемы вариативности интересуют нас в связи с необходимостью составления поисковых запросов, на основе которых компьютер осуществляет поиск. Понятно, что за каждым таким случаем стоит самостоятельный сюжет из истории славянских языков. Но при решении нашей задачи мы этих тем не касаемся.

И. С. Добровольский, и др. Из опыта работы над словарем современного церковнославянского языка

для работы над словарем, позволяет заполнить эту лакуну. В качестве примера приведем некоторые словообразовательные варианты, которые были выявлены при работе над словарником:

1) **вда́кти / вда́кти**. На долю первого варианта приходится лишь одна словоформа — **вда́кти**, которая встречается 4 раза в будничных службах Октоиха в весьма сходных контекстах: *На дре́ва возвыша́ти, и в ро́вх вмета́ти, ѿврёмы же вда́кти, во ѿгнь же и в волхв раздѣла́ти быва́юще, ст҃тъоницы мънцы, раздющеся по́льх: гдá пойтъ, и пре́возноси́ти е́го во вѣки* (Октоих, глас 4, пятница, утреня, канон, песнь 8-я, тропарь 4-й).

Формы глагола **вда́кти** отличаются большим разнообразием, но совокупное количество употреблений — то же: **вда́ти** (1 раз, в контексте, близком к выше-приведенному), **вда́ю** (1), **вда́й** (2), **вда́ще** (1);

2) **воздвакти / воздвакти**. Здесь, как видим, то же соотношение основ, что и в предыдущем случае, однако распределение частотности существенно иное. Различные формы глагола **воздвакти** встречаются в общей сложности 8 раз, в то время как вариант **воздвакти** представлен 68 вхождениями;

3) **веселити / веселовати**. Наряду с высокочастотным глаголом в анализируемом массиве церковнославянских текстов представлен также гапакс **веселѣмъ**: *Гдоменитая дѣо, градъ наречена цѣлъ хрѣтъ, веселѣмъ оѹстрѣмлѣніи мысленныѧ рѣкъ, идѣже єсть вѣхъ веселѣцинъ жилище, ѿкалинию мою душу оѹчини* (25 июня, преподобномуученицы Февронии, утреня, канон 1-й, песнь 5-я, Богородичен);

3) **возвеличити / возвеличати**. Здесь мы сталкиваемся с проблемами аспектологического характера. Если вообще возможно говорить о глагольном виде в церковнославянском языке в том же смысле, как и в русском, то вариант **возвеличити** относится к совершенному виду. Что же касается глагола **возвеличати**, то его суффиксация (несмотря на приставку **возв-**) говорит о вероятной биаспектуальности. В самом деле, очевидно, что в следующем контексте мы имеем дело с формой несовершенного вида: *Колесница егъ нашегѡ тѣсткенна была єсѧ, тѣлъ сѣдящи твоимъ сего ногима имѣя, блаженне, колесницѣ же привѣзли, рѣшиши ѿзвѣти, и хрѣтъ привѣзъ любви, иже тѣ сѣдовѣши: съ ними же вѣрженъ бывъ въ пѣць, не ѿпалілъ єсѧ, дѣодаре, возвеличѧ гдѣ съ тѣмъ, досѣдѣніе* (21 апреля, вечерня, стихиры на Господи воззвах, 2-я стихира мученика Феодора). В то же время можно указать и случай перфективного употребления этого глагола: *Оѹладилъ мѧ єсѧ любвию хрѣтъ, и ѿзвѣнилъ мѧ єсѧ вѣжесткенными твоими раченіемъ, но попали ѿгнѣмъ небесесткенными грѣхъ моѧ, и насытилъ єже въ тѣхъ наслажденіемъ сподѣни: да ликухъ возвеличѧю блаже, да приществѣю твою* (из Последования ко святому причашению).

Таким образом, учет контекста позволяет заключить, что глаголы **возвеличи-ти** и **возвеличати** не являются словообразовательными вариантами в точном смысле слова: первый член пары представляет собой глагол совершенного вида, в то время как второй глагол — двувидовой;

4) **воздвижати / воздвигати**. Первый член пары — глагол с нормальной для церковнославянского языка третьей палатализацией, насчитывающий сотни случаев употребления; второй встречается лишь один раз в форме **воздвиглѣмъ**,

причем в тексте, находящемся на периферии минейного корпуса. Служба благоверным князьям Борису и Глебу (2 мая) в дореволюционные минеи не входила и относится к тем текстам, которые были включены в минейный корпус в конце XX в.;

5) *впáгти / впáднúгти*. Глагол *впáгти* представлен разнобразными и достаточными частотными формами. К постулированию же инфинитива *впáднúгти* обязывает гапакс *впáднúгти*. Следует отметить, что эта форма употреблена в «Учительном известии» — уставной заметке, которая до недавнего времени печаталась в Служебнике. То есть это единичное употребление фиксируется в периферийном тексте;

6) *вѣроятти / вѣрятти*. Первый член пары — высокочастотный глагол. Второй представлен единичной формой *вѣрятти* (Требник, Последование о исповедании);

7) *вѣнчáти / вѣнчакáти / вѣнчевáти*. Первый вариант — наиболее простой в словообразовательном отношении и наиболее частотный. Второй заметно уступает ему по количеству форм и числу вхождений. Третий представлен гапаксом *вѣнчевáетъ*.

Случаи словообразовательной вариативности не следует смешивать со случаями, когда близкие слова имеют разное значение. Ярким примером здесь может быть пара *вѣтковáниe / вѣсновáниe*. Слово *вѣтковáниe* имеет значение ‘сильная, неистовая страсть’: *и́йнѣ же покéрже сїглѧ псѡмъ оѹченїкъ, вѣтковáниe во среbroлибѣл, на скоегдѣ вѣкъ неністовнтися сопткорѣ єгдѣ* (Триодь постная, Великий четверг, утреня, стихира на стиховне самогласна, 4). Словосочетание *їдшльское вѣтковáниe* означает идолопоклонство: *Влїссен дрёвле иž рѣкі сѣчико влекій, дрёкомъ тѣ крѣ, жицогодательное дрѣко кошеражаше: имже извлече иž глубинѣ хрѣтъ газыки ѹдшльскаго вѣткованія* (Триодь постная, среда 4 седмицы, утреня, тропес. 1, песнь 9, тропарь 1). Слово *вѣсновáниe* имеет значение ‘беснование’, ‘бесоодержимость’: *Слѣ везумію икшноборцевъ, иже икѡнъ твою, вѣнцие, ѿ почаевскїя Сбѣтени плафиша, и порѣгнію предающе, кардѣ вѣнію ѿвѣ на сѧ навѣдоша, вѣснованіемъ же ѿблічнѣ вѣкшей женѣ, оѹжасомъ многимъ содержахъся* (Минея 23 июля, Служба Почаевской иконы Богоматери, утреня, канон, песнь 3, тропарь 6), а также ‘гонение, вражда, сопровождающиеся бесовской злобой или под влиянием силы бесовской’: *Ономъ же сѧ жигтѣ ѿтбрѣгшъ ... копронумъ кѡнстантінъ, начальствъ, напаче же на сѣмъ икѡны вѣснованію преемникъ вѣкаетъ* (Триодь постная, неделя 1 седмицы поста, утреня, синаксарь по песне 6). По-видимому, изначально эти слова представляли собой словообразовательные варианты с основным, прямым значением “беснование, одержимость бесами”. Но в настоящее время мы не можем их рассматривать как словообразовательные варианты, поскольку для слова *вѣтковáниe* нет примеров для этого значения, а также ввиду общей малочисленности примеров для обоих слов.

Лексические изменения в Библии и богослужебных книгах

При составлении словаря современного церковнославянского языка мы ссылаемся на тексты, а не на конкретные издания. Таким образом, мы вроде бы

И. С. Добровольский, и др. Из опыта работы над словарем современного церковнославянского языка
исходим из того, что разные издания, вышедшие в XIX—XXI вв., представляют
одну и ту же лексику. Однако это не совсем так.

История изменений в печатном тексте Священного Писания и богослужебных книгах пока не написана. Отследить эти замены крайне сложно, так как для этого пришлось бы сравнивать между собой тексты огромного объема. Известно, например, что печатный текст Священного Писания был заметно отредактирован в 1900 г., но эта правка практически не касалась лексики.

В тексте богослужебных книг наибольшее внимание редакторов привлекали слова, восприятию которых мешало их значение или стилистическая окрашенность в русском языке. Перед редакторами вставала проблема, как поступать со словами вроде *поно́ся* ('поношение'), *ко́нъ* ('запах'), *избле́гати* ('извергнуть') и т. д. Иногда эти слова заменялись на более нейтральные. Последовательно такая правка была проведена в начале XX в. при исправлении текста Триоди²⁸. Однако в богослужебное использование эта версия текста не вошла²⁹.

Но наиболее грубые с точки зрения носителя русского языка слова из богослужебных книг все-таки исключались. Этот процесс хорошо демонстрирует судьба группы слов с корнем *блажд-*. В словаре Г. Дьяченко³⁰ обнаруживаем шесть слов с этим корнем (*блажде́ние*, *блажди́кий*, *блажди́никъ*, *блаждо́лбить*, *блаждо́лбкіе*, *блаждь*), в словаре А. Бончева³¹, опирающегося на русские издания XVIII — начала XX в., находим девять слов с этим корнем (*блажде́ние*, *блажди́кий*, *блаждо́лбкти*, *блаждо́лбкіе*, *блаждо́лбленіе*, *блажде́ство*, *блаждо́лбквати*, *блажди́цій*, *блаждь*). В словаре А. Невоструева³² — 8 слов (бляденіе, бляди, блядивыи, блядословлю, блядословіе, блядство, бляду, бляды). При этом в словарике, составленном на основе электронного корпуса, куда более полного, чем те материалы, которыми пользовались составители указанных словарей, имеется всего 3 слова с этим корнем (*блаждь*, *блажди́кий*, *блаждо́лбкіе*). Незначительное количество слов с корнем *блажд-* в современных богослужебных книгах объясняется тем, что редакторы постепенно исключали эти слова, заменяя их синонимами. Что получилось в результате, хорошо видно из словарной статьи *блажди́кий*, при составлении которой пришлось обращаться не только к материалам оцифрованного корпуса современных богослужебных книг, но и к более ранним изданиям.

Блажди́кий, блажди́въ (прил.)³³:

²⁸ Кравецкий А. Г., Плетнева А. А. Указ. соч. С. 99–102

²⁹ Мы не будем здесь касаться немногочисленных случаев вхождения исправленной редакции отдельных триодных песнопений в другие службы и репринтного переиздания исправленной редакции «Службы на каждый день Страстная седмицы Великого Поста» в 1993 году. Готовя репринт, Издательство Псково-Печерского монастыря не знало, что воспроизводит исправленную редакцию.

³⁰ Дьяченко Г., прот. Полный церковнославянский словарь. М., 1899. С. 48–49.

³¹ Бончев А., архим. Речник на църковнославянски език. Т. 1. София, 2002. С. 50–52.

³² О работе над его изданием см.: Минея общая новомученикам и исповедникам Российской. С. 93–95; публикация продолжается в том же издании. В настоящее время работа по подготовке этого словаря осуществляется при поддержке фонда прп. Серафима Саровского в рамках конкурса «Православная инициатива» (направление: культура, № 847(1) «Расшифровка и подготовка к изданию Словаря речений из богослужебных книг прот. А. И. Невоструева»).

³³ Все примеры употребления данного слова — из служебных миней 1799 г.

1) лживый, лжец; ложный, пустословный, фальшивый: *Пріндітє, чеснію*³⁴ *глакъ ѿчению мечемъ кртителекъ ... почтимъ, ѹже блаживий йрошдз дрекле предштвие* (Минея 24 февраля (Обретение главы Иоанна Предтечи), стихира на стиховне 1) — в современном издании *предлюбодѣй*. *Блаживая ѿчка* єті *ѹчениѧ вѣл., и оѹчениѧ єті вѣлъ тѣлъ іакъ* (Минея 2 сентября, канон 2 (прп. Иоанна), песнь 6, тропарь 3) — в современном издании *блаживая*. Ты *злославныхъ лестъ ѿблочиѧ єті, фрїгена ѿченикѡвъ блаживаго и баснословца* (Минея 29 сентября (прп. Кириака), канон, песнь 8, тропарь 3) — в современном издании *блажш.* *Екатеріно ... риториши оѹчогиля єті блаживыя рѣчи, многострадальная* (Минея 24 ноября, стихира на стиховне, слава) — в современном издании *блескобныя*;

2) болтливый: *Кѹпиш же и празны, оѹчатся ѿходити домы, не точю же празны, но и блаживы и оплазыки, глаголиция же не подобаети* (1 Тим 5, 13). Это единственный известный нам пример сохранения слова в изданиях, используемых в современной церковной практике. Правда, издание служебного Апостола, из которого заимствован этот пример³⁴, как и ряд последующих вплоть до 2010 г., являются репринтными воспроизведениями богослужебных книг XIX в.. То есть даже этот единственный пример восходит к изданиям XIX в., что лишь подтверждает наше наблюдение о замене рассматриваемых слов синонимами в современных богослужебных книгах Русской Православной Церкви.

Грамматическая информация при лексикографическом описании

Работа с оцифрованным корпусом позволяет за сравнительно небольшое время проанализировать значительный объем материала, а в результате — решать не только задачи лексикографического описания, но и сопутствующие грамматические вопросы. Так, значение связки для глагола *быти* исторические словари иллюстрируют примерами, где этот глагол находится в личной форме. Между тем работа с оцифрованным корпусом позволила выявить, что в этом значении глагол *быти* может выступать и в других формах, а именно:

a) в инфинитивных конструкциях:

— инфинитив с двойным винительным: *йбїе бо ипобѣда быти тебѣ благодаѣнаго врача, воздвигшаго єгò ѿада болѣзнина го* (Минея 26 ноября, утреня, канон, песнь 6, тропарь 2); *вѣрою иша вѣла быти иша хрѣта*³⁵;

— инфинитив с дательным: *йце ли оѹмретъ мѣжи єл., скободна єрть ѿ закона, не быти єй предлюбодѣйще, бывшай мѣжъ ино мѣ* (Рим 7,3);

b) в причастных конструкциях:

— с двойным винительным: *Біднтия твои гробы, благоконно муро благодѣнію ипточая, прѣкне, и пропокѣдѣаетъ бѣдъ, бышка та благоконіе, ѿче склаїенне* (Минея 20 апреля, канон, песнь 3, тропарь 3);

— с дательным самостоятельным: *Тѣмже оѹбо, жиѣдъ мѣжъ, предлюбодѣйца быкаетъ, йце бѣдѣтъ мѣжеки ино мѣ* (Рим 7, 3).

³⁴ Апостол. М.: Издательство Московской Патриархии, 1989.

³⁵ Деян 8, 37.

И. С. Добровольский, и др. Из опыта работы над словарем современного церковнославянского языка

Еще одно грамматическое наблюдение, сделанное в ходе работы над словарем, связано с фиксацией в церковнославянских текстах форм, которые должны интерпретироваться как деепричастные. При этом церковнославянские грамматики, как известно, не выделяют в церковнославянском языке деепричастий: причастные формы употребляются как в собственно причастном, так и в деепричастном значении. Причастие *бъдущій* употребляется только в собственно причастном значении как определение, а в деепричастном значении, в функции деепричастия вообще не представлено. Эту функцию может брать на себя форма *бъдущи*. Вероятно, часторечную принадлежность этой формы следует определять как деепричастие. В данном случае значение этого деепричастия указывает не на будущее время, а просто на одновременность основному действию или состоянию, что обычно для деепричастий. Оно оказывается синонимичным причастию *ыій*, *ыічи* в деепричастном значении. Но если причастия настоящего времени *ыін*, *ыій* употребляются во всех текстах корпуса (от Октоиха и Миней до Служебника, Добротолюбия, Алфавита духовного и т. д.), то *бъдущи* встречается лишь в периферийных текстах, не употребляясь в основных богослужебных книгах.

* * *

Результатом работы над проектом должен стать многотомный словарь церковнославянского языка (ориентировочный объем 200–220 а. л.), включающий *всю* лексику, встречающуюся в богослужебных книгах, используемых в современной богослужебной практике РПЦ. Причем для описания этой лексики в ряде случаев привлекается более широкий круг источников.

Ключевые слова лексикология, лексикография, церковнославянский язык, морфология, словоизменение, язык богослужения, информационная система, база данных.

FROM THE EXPERIENCE OF WORK ON THE DICTIONARY OF CONTEMPORARY CHURCH SLAVONIC

I. S. DOBROVOL'SKII, N. V. KALUZHINA, A. G. KRAVETSKII,
PRIEST FEDOR LIUDOGOVSKII, A. A. PLETNEVA, A. N. KHITROV

The paper discusses a number of theoretical and practical issues that arose when preparing the dictionary of the contemporary Church Slavonic language. The work on the dictionary is being carried out at Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences. The dictionary covers the entire vocabulary of the main set of liturgical books, drawing on a broader corpus of Church Slavonic texts used as additional sources. The dictionary is primarily orientated towards liturgical texts. It is firstly due to the fact that liturgical texts are used exclusively in the Church Slavonic version and the description of their vocabulary is most demanded. Secondly, the dictionary in-

cludes fixed metaphors of Christian texts; these metaphors in their most entire form are contained first and foremost in liturgical texts. The interest in metaphors leads to the inclusion of proper names in the dictionary, which is not common in Russian lexicographic tradition. The dictionary is being compiled on the basis of a digitised corpus. The sources of the dictionary are divided into the main and supplementary corpora. The vocabulary of the main corpus is entirely included in the dictionary, while the data of the supplementary corpus is used in certain entries. Lexical data is extracted by means of special software. The paper considers several technical issues that emerged while working with digitised sources. Besides, the paper examines those problems of lexical, morphological and textological variation which the authors have encountered.

Keywords: lexicology, lexicography, the Church Slavonic language, semantics, liturgics, Church Slavonic, Russian, morphology, inflection text analysis, liturgical language, information system, database.

Список литературы

1. Белякова Е. В. Церковный суд и проблемы церковной жизни. М., 2004. С. 25-27.
2. Добрушина Е. Р., Поляков А. Е. Корпус церковнославянского языка: возможности, методы создания, перспективы // Вестник ПСТГУ. Филология. III: 1 (31) М., 2003. С. 32-44.
3. Королев П. С. История редакторских изменений церковнославянского текста Деяний и Посланий апостольских в московских печатных книгах XVI–XXI веков // Лингвистическое источниковедение и история русского языка М., <2011>. М., 2012.
4. Кравецкий А. Г., Плетнева А. А. История церковнославянского языка в России. Конец XIX–XX в. М., 2001.
5. Кравецкий А. Г. Из истории Паремейного чтения Борису и Глебу // Традиции древнейшей славянской письменности и языковая культура восточных славян. М., 1991. С. 42-52.
6. Людоговский Ф. Б. Современный церковнославянский минейный корпус: состав и структура // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. <2002–2003>. М., 2003. С. 500-530.
7. Людоговский Ф. Б. Функционирование и эволюция служебного и четвертого вариантов церковнославянского Евангелия в эпоху книгопечатания: постановка проблемы // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2004–2005. М., 2006.
8. Людоговский Ф., свящ., Плякин М., диак. Хвалебные гимны подвижникам // Журнал Московской Патриархии. 2010. № 6. С. 70-76.
9. Людоговский Ф. Б. Ветхозаветные паремии в составе современного церковнославянского минейного корпуса // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2006–2009. М., 2010. С. 523-545.
10. Людоговский Ф., свящ. Церковнославянский акафист: структуры и константы // Славянские языки: единицы, категории, ценностные константы: сб. науч. статей. Волгоград, 2010. С. 47-68.
11. Людоговский Ф., свящ. Церковнославянский акафист: структуры и константы // Славянские языки: единицы, категории, ценностные константы: сб. науч. статей. Волгоград, 2010. С. 47-68.
12. Людоговский Ф., свящ., Плякин М., свящ. Жанр акафиста в XXI веке // Попов А. В. Православные русские акафисты. М., 2013.

И. С. Добровольский, и др. Из опыта работы над словарем современного церковнославянского языка

---

13. *Плякин М.* Квазилитургические тексты как форма существования околоцерковного фольклора. (Доклад на первой конференции «Современная православная гимнография». 24.11.2009) // http://www.ruslang.ru/agens.php?id=conf_church-slav090211.
14. *Попов А.* Православные русские акафисты. М., 2013.
15. *Толстой Н. И.* История и структура славянских литературных языков. М., 1988. С. 53.
16. *Успенский Б. А.* Борис и Глеб: восприятие истории в Древней Руси. М., 2000. С. 8–29.
17. *Чуриловский Н. Ф.* Новая богослужебная книга: Минјадополни Iтельнаz// Прибавления к Церковным ведомостям 1909. № 51–52.
18. *Mathiesen R.* The Inflectional Morphology of the Synodal Church Slavonic Verb. New York, 1972.